

Победа национального театра

ПЯТНАДЦАТИЛЕТИЕ ГОСЕТ

Евреи в царской России ограничивались в своем праве передвижения «знаменитой» чертой оседлости, за пределами которой проживать запрещалось. Эту «черту оседлости» ввели не менее «знаменитые» временные правила о евреях, изданные Александром III в 1882 году и так и оставшимися «временными» вплоть до истечения времени самой династии Романовых. Одним из этих «временных правил» было—категорическое запрещение спектаклей на еврейском языке.

Куда деваться? Часть еврейских трупп (вообще незадолго до этого времени сформировавшихся в России) эмигрирует в Америку. Другая часть остается в России и ведет голодную подпольную кочевую жизнь. Официально еврейские спектакли запрещены. Оставалось изворачиваться и устраиваться неофициально в расчете на «хороших» полицеймейстеров и исправников, за известную мзду подлисывавших афиши, на которых значились спектакли «на немецком языке».

Скитались эти труппы по маленьким городкам и местечкам северо-западного и юго-западного края, где «евреям жить разрешалось» и вынуждены были потрафлять местному взыскательному еврейскому метаставству.

Засл. арт. респ.
Михоэлс

Это само собой определяло и их репертуар.

Позже еврейская plutократия, бичиры и богатое купечество добились небольшой отдушины для нового модернистского еврейского театра (Перец, Гиршбеин и др.), политически слабиваемого гуманистическими тенденциями (пьесы Гордона) и сионистской ориентацией. Так возник и еврейский театр «Габима», просуществовавший несколько лет даже после Октября.

Таким образом создавать советский еврейский театр приходилось буквально «на голой земле». Ни полу-багажные традиции бродячего мостечкового театра, ни сионистские «Гадвбуки» (основной спектакль театра «Габима», поставленный покойным Вахтанговым) новый еврейский театр не устраивал. Ни репертуара, ни актера, ни режиссера. И вот в Москве возникает небольшая еврейская студия. В состав ее входит молодежь и один-два профессиональных актера. Среди них — Михоэлс. Студия помещалась в небольшой квартирке по В. Чернышевскому переулку (ныне улица Станкевича). Работал студия и вообще был очень близок к ней известный художник—актёр-сионист Мари Шагал. Огромное панно на еврейские темы в сейчас украшает фойе ГОСЕТ. Это панно и сам Шагал до известной степени определяли и самый стиль студии. Бунт против всякого традиционализма. Ограниченный в своих горизонтах мелкобуржуазный бунт, принимавший тогда чуть ли не за афишу пьесу Шолома Аша «Вот мещи».

Молодежь, жившая коммуной, по-

драстала. Выработывался актер. Студии становится тесно. И она превращается в театр — Еврейский Камерный театр. Название не случайное. В очень многом, в общей направленности, композиции спектакля и актерских приемах театр действительно напоминал русский Камерный в его тогдашнем фазисе. Так, например, совсем по-камерному прозвучал спектакль «Уриель Акоста» в декоративном разрешении художника Альтмана.

Постепенно театр подрастал и преодолевал свои «детские болезни». Все больше начинал в нем играть роль еврейский фольклор. Совершеннее и законченнее становилась форма, высокая по технике, удовлетворявшая самым «последним требованиям» и в то же время окрашенная в тона национальной традиции песенно-музыкальной и внешне-композиционной. Так создались классические спектакли этого театра, уже выросшие из «камерности» и становившиеся вполне оригинальными самобытными. Это — «Двести тысяч» Шолом Алейхема, «Колдунья» Гольдфадена, «Путешествие Веннамина III» и другие. Театр оставляет в свое прежнее название. Он становится Еврейским государственным — ГОСЕТ.

Выработав свой стиль. Следующая задача — расширить репертуар. Здесь перед театром встала дилемма. Одни уверяли, что смешно еврейскому театру играть Гамлета или Ибсена. Вся, мол, прелесть его в том, что он не умеет, не должен играть Ибсена, а должен оставаться национальным театром в традиционном понимании этого термина. Другие наоборот считали, что театр не имеет права отгораживаться ни от современного советского репертуара, ни от классического. Эти две точки зрения боролись. Но внутри театра этот вопрос, видимо, был решен. Оставаясь еврейским, он на стойчиво пробиравшую свою репертуарную ограниченность и тянулся к историко-революционному («Гирш Леккерт») и к современному («Четверть дня» Даниила) спектаклю.

Засл. арт. респ.
Зускин

И сегодня, к своему 15-летию, ГОСЕТ подошел с блестящей победой, доказав, что рамки советского еврейского театра не могут быть ограничены бытовыми «воспоминаниями» и национальным фольклором. «Король Лир» — не только замечательный спектакль, вписывающий очень яркую страницу в театральную шекспирологию, но и совершенно новый этап еврейского театра, окончательно разрешающий спор о его природе. Советский национальный театр — театр, стоящий на высоте художественной культуры. Государственный еврейский театр, история его развития, его мастера Михоэлс, Зускин и другие, спектакль «Король Лир» — самое наглядное и убедительнейшее доказательство тому.

ЭМ. БЕСКИН.